

Вэй Чжао поднял Вэй Чунжун на руки, поцеловал его в обе щеки и, прижавшись лбом к его лбу, сказал:

— Жун, не бойся. Какие бы ни были намерения других, я никогда не откажусь от тебя.

Если Вэй Сюй хочет сына, пусть лучше молится за Вэй Сяо, а не строит планы на его ребенка.

Вэй Чунжун обнял Вэй Чжао за шею, улыбаясь во весь рот:

— Я верю тебе, папа. Но разве ты можешь послушаться дедушку и бабушку?

Его беспокоило не отношение Вэй Чжао, а сможет ли он выдержать давление со стороны императора и императрицы.

Вэй Чжао фыркнул и небрежно ответил:

— Я просто не послушаюсь, и что они смогут сделать? У меня есть способы справиться с отцом. Пока он не даст согласия, мать не сможет решить вопрос об усыновлении.

Увидев уверенность Вэй Чжао, Вэй Чунжун тут же успокоился и перестал волноваться. Теперь он понял, как хорошо иметь отца. Что бы ни случилось, Вэй Чжао всегда будет за него стоять горой, и ему не нужно ни о чем беспокоиться. Это было просто счастье.

После праздника Чяньцю Вэй Чжао и Вэй Чунжун продолжили свою размеренную жизнь: утром тренировки, днем учеба. Никто из них больше не упоминал слово «усыновление», как будто его и не было.

В конце октября Цзюнь Цин отправил Вэй Чжао письмо. Прочитав его, Вэй Чжао слегка нахмурился и пробормотал:

— Цин совсем распустился. Синь тоже его не контролирует. Если он упадет или споткнется, это будет не шутки.

Вэй Чунжун, ничего не понимая, с беспокойством спросил:

— Папа, что написано в письме маркиза Чжаояна? Что-то плохое?

Честно говоря, он редко видел Вэй Чжао таким обеспокоенным. Видимо, дело было серьезным.

Вэй Чжао положил письмо на стол и вздохнул:

— Второго числа следующего месяца день памяти маркиза Чжаояна.

Вэй Чунжун кивнул, потом покачал головой. Он знал, что день памяти Цзюнь Линя приходился на второе число одиннадцатого месяца, но тот умер почти двадцать лет назад. Какое отношение это имело к «распущенности» Цзюнь Цина?

Вэй Чжао продолжил:

— Раньше, когда мы были в столице, мы с Цином каждый год в день рождения и смерти маркиза лично отправлялись в гробницу Динлин для поклонения.

Лично поклоняться?!

Вэй Чунжун широко раскрыл глаза. Неужели он ослышался?

Цзюнь Цин был сыном Цзюнь Линя, и для него было естественно поклоняться отцу. Но Вэй Чжао? Почему он участвовал в этом? Он был принцем, а Цзюнь Линь — подданным, и они были ровесниками. Разве такие почести не были слишком велики?

— Разве Цин в его состоянии может так разгуливать?

Вэй Чжао беспокойно встал и ударил по столу:

— Нет, я должен поехать в дом маркиза Чжаояна и остановить его.

Услышав, что Вэй Чжао собирается в дом маркиза Чжаояна, Вэй Чунжун поспешно сказал:

— Папа, я тоже хочу поехать.

Он наконец понял, что беспокоило Вэй Чжао: Цзюнь Цин собирался в гробницу Динлин, и Вэй Чжао беспокоился о его беременности.

Вэй Чжао поднял бровь и усмехнулся:

— Младший брат еще не родился, Жун, чего ты торопишься?

Он помнил, как Вэй Чунжун в прошлый раз в доме маркиза Чжаояна с большим интересом рассматривал живот Цзюнь Цина.

— Я просто хочу погулять!

Прошло уже полгода с тех пор, как они вернулись в столицу, а Вэй Чжао почти не выходил из дома, и даже в дом маркиза Чжаояна заезжал лишь раз. Желание Вэй Чунжуна выйти наружу было вполне понятным.

Вэй Чжао немного подумал и сказал, что завтра возьмет его с собой, если он сегодня днем выполнит все задания учителя на два дня вперед.

Вэй Чунжун с кислым выражением лица кивнул, выглядя так, будто его обидели. С тех пор как ему исполнилось четыре года, Вэй Чжао требовал от него не только заучивания текстов, но и написания двух страниц иероглифов в день, причем с камушком на запястье. Это было настоящей пыткой.

Казалось, Вэй Чжао прочитал его мысли, и строго сказал:

— Жун, не думай, что сможешь схитрить. Если хоть один иероглиф будет написан плохо, все придется переписывать, и ты не выйдешь из дома, понял?

— Понял.

Вэй Чунжун надул губы. Ему не нравилось учиться и писать, но задания учителя он никогда не выполнял спустя рукава. В прошлой жизни он учился кое-как, и если теперь не возьмется за ум, все будет еще хуже.

Догадка Вэй Чжао не была ошибочной. Желание Вэй Чунжуна поехать в дом маркиза Чжаояна действительно было связано с ребенком в животе Цзюнь Цина, но причина была не той, что он предполагал. Вэй Чунжун помнил, что хромота Цзюнь Хуа не была врожденной, а возникла из-

за трудных родов, когда его вытягивали силой. Хотя он еще не придумал, как предотвратить трудные роды у Цзюнь Цина, но без понимания ситуации он никак не сможет помочь Цзюнь Хуа, поэтому он так спешил увидеть Цзюнь Цина и узнать о его состоянии.

Поскольку Вэй Чунжун хорошо себя показал, на следующий день после обеда Вэй Чжао сдержал слово и взял его с собой к Цзюнь Цину.

Прошло чуть больше двух месяцев, а живот Цзюнь Цина заметно вырос. Вэй Чжао, увидев его, не мог не выразить беспокойства:

— Цин, как ты до такого дошел? Ребенок стал таким большим, ты что, жизнь не ценишь?

Собственный опыт родов Вэй Чунжун был для Вэй Чжао кошмаром, который он не хотел вспоминать.

Цзюнь Цин, всегда спокойный и сдержанный, лишь вздохнул:

— Ты думаешь, я хочу этого? Перепробовал все способы, но ребенок продолжает расти. Даже господин Дуаньму сказал, что ничего не может сделать, и мы можем только ждать.

— Господин вернулся?

Вэй Чжао, поддерживая Цзюнь Цина, остановился. Дуаньму Хуэй был учителем Сунь Е, его медицинское мастерство было легендарным, и он имел прозвище «бессмертный врач». Если даже он ничего не мог сделать, то Цзюнь Цин и его ребенок были в серьезной опасности.

Цзюнь Цин остановился вместе с Вэй Чжао и спокойно сказал:

— Господин вернулся в столицу в прошлом месяце, сказал, что останется до весны. Ты можешь навестить его, пусть осмотрит тебя.

Медицинские навыки Дуаньму Хуэй, несомненно, превосходили Чжуан Юя.

Вэй Чжао махнул рукой:

— Цин, пока не обо мне речь. А ты, с таким животом, зачем тебе ехать в гробницу Динлин? Может, я и Синь поедem, а ты останешься? Маркиз Чжаоян на небесах не станет тебя винить.

Вэй Чунжун, шедший за Вэй Чжао и Цзюнь Цинoм, почувствовал, как сердце его упало. Значит, даже «бессмертный врач» Дуаньму едва смог спасти жизнь Цзюнь Цина и его ребенка. Как он, ничего не смыслящий в медицине, сможет спасти ногу Цзюнь Хуа? Неужели это судьба?

Цзюнь Цин медленно покачал головой:

— Каждый год мы ездили, почему бы не поехать в этом? Я чувствую себя хорошо, ем и сплю нормально. Господин тоже советует мне больше двигаться, говорит, что это полезно для ребенка, нельзя все время сидеть дома.

Вэй Чжао не нашелся, что ответить, и проводил Цзюнь Цина в дом. Он хотел сказать, что совет Дуаньму «больше двигаться» явно не подразумевал поездок за город и в горы. Но характер Цзюнь Цина был еще более упрямым, чем у Вэй Чжао, и он знал, что слова бесполезны, поэтому промолчал.

На самом деле, кроме сильного стресса в начале беременности, тело Цзюнь Цина было в порядке. Проблема была в ребенке: он рос слишком быстро, и это было невозможно контролировать. Все волновались, что будет, если Цзюнь Цин не сможет родить.

Мужское тело отличается от женского, таз узкий, и роды проходят тяжело даже при нормальном размере ребенка. Если же ребенок слишком большой, трудные роды почти неизбежны, и малейшая ошибка может стоить жизни обоим.

Роды Вэй Чжао, когда он родил Вэй Чунжун, были ярким примером: они длились три дня и три ночи, он едва выжил, и только благодаря мастерству шаманов-целителей Хэлянь Чжо и собственной удаче они оба остались живы.

Сейчас Цзюнь Цин был беременен всего шесть месяцев, но Вэй Чжао, присмотревшись, заметил, что его живот был явно больше, чем у него в то же время. Его беспокойство только усилилось. В конце концов, Вэй Чунжун при рождении весил восемь цзиней, что было очень много для младенца. Если ребенок Цзюнь Цина был еще крупнее, Вэй Чжао даже не хотел думать, что может произойти. К счастью, господин Дуаньму уже поселился в столице, и он мог задать ему свои вопросы, чтобы не беспокоить Цзюнь Цина.

После полуторачасового разговора Вэй Чжао не только не убедил Цзюнь Цина, но и сам был убежден им. Они договорились, что второго числа следующего месяца отправятся в гробницу Динлин вместе.

<http://bllate.org/book/16486/1498159>